

— Как и во всём - решительно, Гострем взялся за перестройку системы преподавания физики на младших курсах физического отделения физмата. Суть этой перестройки была в том, чтобы совместить изучение общей и теоретической физики, то есть не разбивать, как это обычно делается, изучение всей физики на два этапа: на первых двух курсах - общая физика с параллельным изучением высшей математики, на третьем и четвёртом - теоретическая физика, базирующаяся уже на строгом математическом аппарате, а брать быка за рога: первый семестр - сжатый курс тензорного и векторного анализа, а дальше сразу теоремех безо всякой там механики, электродинамика, минуя электричество, и т.д. Правда, просто ликвидировать механику или электричество из утверждённых министерством программ было невозможно, и курсы лекций с такими названиями сохранялись. Но их содержание предполагало фактическое изучение начал курсов теоретической, а не общей физики.

— Необходимость такой перестройки Гострем обосновывал ссылками на московский физтех и на зарубежный опыт - студенты, мол, сразу должны привыкать к формализованному мышлению, "иначе это школьный подход, так сказать, несовременно". Нечто подобное, действительно, практиковалось в Московском физико-техническом институте, сильнейшем вузе страны в области физики. Но там был очень строгий отбор абитуриентов, поступали лишь действительно сильные и способные выпускники, аудитория была подготовлена к насыщенным сложным программам, и преподавательский состав был высшего класса. Однако на физфаках МГУ и ЛГУ, где контингент преподавателей был не менее квалифицирован - лекции читали и член-корры, и академики (у нас, например, Фок, Фриш, Смирнов, Лебедев), традиционная система подготовки физиков не подвергалась сомнению.

— Мог ли быть оправдан эксперимент Гострема в условиях провинциального университета, фактически ещё мало отличавшегося от заурядного пединститута, из которого он недавно был образован? Априори было неясно. Всё зависело от того, как будет поставлено дело.

— Противники такого подхода, разумеется, были с самого начала. Но их доводы и сомнения нам с Виталиком представлялись просто проявлением элементарного консерватизма: зачем чего-то перестраивать, ломать программы, создавать массу организационных проблем в учебном процессе, когда всё равно подавляющая масса выпускников пойдёт работать учителями в школы? Зачем им физтеховская подготовка?

— А больше всего противников перестройки волновала проблема распределения почасовой нагрузки. Её объёмом определялись штатные размеры кафедр, а Гострем претендовал чуть ли не на все общие курсы по физике. Это грозило другим кафедрам потерей ставок в пользу кафедры Гострема.

— Но кроме кулуарного недовольства, звучавшего чаще всего из уст Заикиной, занимавшей пост декана с допотопных пединститутских времён, серьёзных попыток воспротивиться деятельности Гострема не было. Ведь на физмате, как и во всём университете, кандидатов-то наук было раз, два и обчёлся, не говоря уже о докторях.

— Единственным почти доктором до Гострема был завкафедрой геометрии на математическом отделении Малаховский, собиравшийся защищать докторскую диссертацию. Но его революция преподавания у физиков особенно не волновала (хотя и математики теряли кусок своего курса для физиков), и с Гострем Малаховский предпочёл не конфликтовать.

— Все остальные же просто по рангу своему не могли иметь авторитета в глазах ректората, сравнимого с профессорским гостремовским. Многие же из молодых отнеслись к гостремовским новшествам заинтересованно и были готовы его поддержать. Привлекала и его личная экзотичность, деловитость, энергичность, даже нахрапистость.

— Так или иначе, эксперимент начался, и мы с Виталиком стали его активными участниками.

— Чтобы ассистировать Гострему, нам с Виталиком надо было изучить его курс лекций "Введение в тензорное и векторное исчисление", который Гострем начал читать студентам и первого, и второго курсов, считая, что и второкурсникам не поздно перестроиться, тем более, что им ещё предстояло изучать у Гострема электричество и электродинамику. Гострем дал нам экземпляр своих конспектов и велел ходить к нему на лекции.

— Как и везде, на первой лекции Гострем выступил с короткой программной речью, которую и студенты, и преподаватели слушали, разинув рты, настолько ярки были и сам профессор, и его речь. Он рисовал радужные перспективы развития науки в Калининградской области, говорил о грядущих исследованиях в прилежащих морях, в океане, в атмосфере и в космосе.

— Но для этого надо учиться, так сказать. Надо работать! Я буду учить вас так, как я это делал в Голландии, и как в московском физтехе, так сказать. Вы увидите, как это здорово!

— Лекции Гострем читал по шпаргалкам, выписанным на карточки, которые он носил в нагрудном кармане пиджака, всегда перепачканном мелом из-за этого. Колоритность его коверканной речи на лекциях уже не привлекала, а мешала восприятию содержания. Даже нам с Виталькой многое было трудно уловить, а что уж говорить о студентах! Они старательно списывали с доски формулы, надеясь разобраться потом с помощью учебников. Но их положение осложнялось тем, что Гострем читал свой курс, не изложенный полностью в таком же виде и с теми же обозначениями (что важно для студентов) в каком-либо из доступных учебников. Правда, в университете отпечатали на машинке и держали в читальном зале библиотеки конспекты его лекций. Однако их содержание составляли в основном опять же одни формулы, логика появления которых не раскрывалась в достаточной степени словесными связками, необходимыми для младшекурсников.

— Студенты вскоре взвыли. Некоторые пытались задавать Гострему вопросы по непонятным местам после лекций, но он вечно куда-то спешил.

— Это на практических занятиях разберёте, так сказать, - бормотал он и убегал. Посыпались жалобы студентов в деканат, но, разумеется, эти попытки протеста были быстро пресечены.

— Помочь студентам в усвоении курса на практических занятиях - было нашей прямой задачей: моей, Виталика и Галины Сергеевны Соколовой. Эта невзрачная щупленькая женщина лет за 30 появилась из Иркутска сразу вслед за Гостремом и поселилась в университетском общежитии, расположенном тут же, в одном дворе со 2-м корпусом, в отдельной клетушке с младенцем нескольких месяцев от роду и безо всяких признаков мужа. Гострем представил её как своего опытного ассистента, работавшего с ним в иркутском университете и хорошо знающего его курс. К ней Гострем забегал вздремнуть на полчаса после обеда.

— Занятия мы трое вели параллельно - я в 1-й группе 1-го курса и в 1-й и 3-й группах 2-го курса (от 20 до 30 человек в группе), Виталик и Соколова в остальных. Контингент на две трети составляли девочки. Среди мальчиков - выпускников калининградских школ университет не пользовался популярностью из-за преимущественного распределения в учителя после окончания и из-за отсутствия военной кафедры, которая освобождала бы от службы в армии. Куда более солидным вузом считался КТИ - Калининградский технический институт рыбной промышленности и хозяйства, переведённый в 60-х годах из Москвы и занимавший несколько огромных, хорошо сохранившихся немецких корпусов в центре города (в том числе бывшее здание гестапо на Параденплатц, ныне площади Победы). К университету же сохранялось то же пренебрежительное отношение, что и к бывшему пединституту.

— С первых часов своей преподавательской работы я почувствовал, что это дело по мне - и по вкусу, и по способностям. Взаимопонимание с аудиторией у нас наладилось как-то сразу само собой, безо всяких особых усилий. Смею надеяться, что я был одним из популярных преподавателей, хотя временами приходилось быть и жёстким - в случаях проявления откровенного разгильдяйства, вроде опаздываний или долгих рассаживаний.

— Чтобы преподаватель нравился студентам, требуется только одно - объяснять понятно и говорить интересно, увлекательно. Это не две разные вещи - одно невозможно без другого. Успешно преподавать можно только то, что не просто знаешь, а понимаешь очень глубоко, настолько, что внешне даже трудные для понимания вещи становятся очень простыми. Но я-то ведь преподавал предмет, который сам в это же время изучал: мои университетские познания оказались явно недостаточными, так как не были в необходимой степени закреплены практикой работы, во всяком случае большая часть того, что предстояло донести студентам, активно не использовалась мною в работе над диссертацией, которой я только до сих пор и занимался. Поэтому готовился к занятиям я очень тщательно, проникаясь каждой задачей или упражнением, которые предстояло разобрать на занятиях или задать на дом. Не пропускал я и ни одной лекции Гострема, стараясь всё понять, если не сразу, то дома, и растолковать потом студентам.

— Публика студенческая, конечно, была разная. Одно дело - неопытные, запуганные первокурсники, только прошедшие первую сессию, другое - второй курс: уже три сессии за плечами! На первых столах обычно сидели отличники, не стеснявшиеся задавать вопросы и желавшие всё хорошо видеть и слышать. За ними располагались усердные середняки, скромно признававшие право отличников занимать лучшие места, а сзади, как обычно, хвостисты, "камчатка", по инерции державшаяся подальше от преподавателя. Сидели у меня все тихо, посторонних разговоров я не допускал и вообще старался держать в напряжении занятия всех до последнего.

— Ориентировался я на середняков, всячески поощряя их робкие потуги на активность. Очень многим надо было помогать преодолеть стеснительность, скованность при ответах с места и особенно у доски. Ни разу я никого не упрекнул в слабой подготовке, зато на похвалы не скупился, стараясь отметить всякое достижение в понимании. Когда я видел, что студент чего-то понял, наконец, усвоил, научился, это доставляло мне настоящую радость, которую я не пытался скрывать, приговаривая "отлично!" или "прекрасно!". И трудяге-студенту, конечно, тоже было приятно - не зря мучился!

— Усердие без поощрения быстро выдыхается у людей, которых занятия сами по себе не вдохновляют, поэтому я сравнительно мало внимания уделял отличникам, полагаясь на их собственный энтузиазм, а больше времени уделял середнякам и слабым. Контроль за успеваемостью я вёл с помощью системы плюсиков и минусиков, которые выставлял в своём неофициальном журнале каждому по итогам выполнения домашнего задания и ответов на занятиях. Студенты, заметив, что я делаю у себя какие-то пометки, пытались эту систему разгадать, но безуспешно. Ясно было, что минус это плохо, а плюс - хорошо, но у меня иногда стояли +-, или ++, или +++, но редко, чаще всего одиночные плюсы, означавшие просто "нормально для данного студента", так что два плюса чаще мог заслужить усердный середняк, чем отличник. Такая система фиксировала для меня не столько знания, сколько старательность. Нормальные же, объективные отметки я ставил только по контрольным работам.

— На занятиях у Виталика и Соколовой я не бывал, но, по слухам, Виталиком студенты были довольны, Соколовой - нет.

(продолжение следует)